

Галина Шовкопляс, доцент, канд. филолог. наук

Алхимия как способ создания мира. О поэтике «атмосферной прозы» Эльчина Сафарли

Киевский университет имени Бориса Гринченко, Киев, Украина

Молодое дарование и литературное открытие 2008 года. Таково общее мнение критиков и читающей публики, запечатленное не только в газетных и журнальных статьях, но и на сайтах и форумах Интернета. «Из всего моря - океана современной российской прозы за последние 15 лет можно выделить лишь Робски, Акунина, Стогова, Андрея Плеханова и Эльчина Сафарли» [5], - сказал директор издательства АСТ Николай Алёшин, которого Сафарли называет «мой литагент и ангел –хранитель»[3]. Чего уж проще в эпоху Всемирной Паутины зайти на сайт восходящей литературной звезды и выразить свое восхищение или неудовольствие? Интернет укрупняет картину процесса, ускоряет интеракцию между автором и читателем.

Если первую книгу азербайджанского писателя Эльчина Сафарли «Сладкая соль Босфора»(2007г.) оценили как «атмосферную прозу» и «немного мыльную оперу на тему «богатые тоже плачут»[2], то вторая - «Туда без обратно»(2009 г.) - прошла под оценкой «безумно правдивая книга»[2]. Кстати, вторая книга Сафарли номинирована на Букеровскую премию.

Московское издательство АСТ «Астрель», с которым сотрудничает писатель, на обложке «Сладкой соли Босфора» поместило отзывы турецких и российских критиков: Пакизе Батур из газеты *Zaman* (Время) назвала книгу «настоящей восточной мозаикой», а московский хроникер Инга Панская определила «Сладкую соль Босфора» как произведение, которое «однозначно потеснит «Черную книгу» Орхана Памука»[1,с.321]. Вряд ли потеснит. Это не «Черная книга»: стамбульской печали Памука здесь нет и в помине. Хотя художественным пространством книги является как раз Стамбул.

Литературный топос Стамбула плотно заселен: Решат Нури Гюнтекин, Иван Бунин, Алексей Толстой, Пьер Лоти, Иэн Флеминг, Дон Аминадо, Орхан Памук. Сюда же входят тексты нехудожественные: исторические изыскания Агатангела Крымского, мемуары Александра Вертинского и многое другое.

Сам Сафарли протягивает интертекстуальные нити от своей книги и к «Корольку-птичке певчей» («Тетушка Нилюфер рассказывала о тяжелом детстве в интернате, о первом свидании с Махсуном, о дружбе с Решадам Нури Гюнтекином, подарившем миру «Королька -птичку певчую»[1, с.14]), и к стамбульской поэзии русского поэта-эмигранта Дона Аминадо (А.П.Шполянского), чьи строки использует в качестве эпиграфов ко всем главам «Сладкой соли Босфора».

Автор добавляет пикантный эпизод, апокрифического происхождения, в чем честно признается, посещения стамбульского Мисери Чарши Патриком Зюскиндом: «Если верить слухам, здесь (на Египетском базаре) сам Зюскинд вдохновился на написание «Парфюмера», когда нечаянно раздавил ногой завалившийся помидор. Кисловатый сок прогнившего овоща

фонтаном брызнул на стекла очков знаменитого прозаика. Сюжет будущего бестселлера окончательно сформировался»[1, с.176].

Едва ли корректным будет добавление к перечисленным Милорада Павича. В романах Павича Стамбула нет: есть Константинополь - Царьград. Торжественный, державный, холодноватый Константинополь не интересует Сафарли. Молодой писатель к нему, трагичному Константинополю, равнодушен. И не потому, что Константинополь - город символически христианский. На мой взгляд, Сафарли не очень ортодоксальный мусульманин : «Просто- на просто было непривычно находиться в измерении холодного Константинополя»[1,с.15].

Не совпадает литературное пространство «Сладкой соли Босфора» и с картой туристического Стамбула. Российская рецензентка из сайта Проза - Ру наивно удивляется тому, что побывавши в Стамбуле, не увидела и не ощутила особого стамбульского мира Сафарли: «Это все равно, что инопланетянину завидовать. Мы просто с ним живем в разных мирах»[2].

В «Сладкой соли Босфора» нет увлекательного сюжета с напряженной фабулой, неожиданной кульминацией, стремительной развязкой. Журналистские зарисовки разных судеб, так или иначе связанных со Стамбулом и с автором: квартирная хозяйка рассказчика Нилюфер-ханым, которая утешается верой, что ее муж, умерший с четверга на пятницу, пребывает в раю, русская женщина Кристина, вышедшая замуж за наследника солидного капитала и не сумевшая поладить с турецкой свекровью, курдянка Сана с ее мечтой дать дочери образование, глухонемая художница Гюльбен... Простые люди, простые судьбы. И собственная непростая судьба рассказчика, о которой он повествует с предельной искренностью.

В точном соответствии с откровениями Эльчина Сафарли: « Так получилось, что с детства я окружен простыми людьми. Никаких политиков, артистов, писателей, телеведущих... Ведь самые стоящие правила - без пафоса, высокопарностей, красивостей»[3].

В эпизоде про историю женщины - курдянки Сафарли почти в точности повторит сказанное в своем Интернет - интервью: «Сана не мечтает о Курдистане. Сана не мечтает о целостности восставшей нации. Сана мечтает о счастливом будущем дочери. И все. Больше ни о чем. Все банально - без политики, войн, переговоров» [1, с. 166].

Опыт журналистской работы не сделал автора циником, не научил безразличности к людям, а лишь привил недоверие к пафосу политических деклараций и отвращение к слишком широким понятиям: «Родина прекрасна на расстоянии вытянутой руки. Родина прекрасна в картинках болтливового телевизора - всегда можно переключить канал. За яркой надписью «родина» непременно фон из субъективных картинок»[1, с.66].

Большинство из «простых людей» в книге Сафарли - женщины. Женщины вообще интересуют писателя больше, чем мужчины. Один из читателей на форуме сайта Librus, заметив это преобладание, язвительно подчеркнул, что очевидно Сафарли не умеет ладить с мужчинами и не имеет друзей - мужчин. Невнимательный читатель. У рассказчика есть друзья-мужчины: например, корректор Мустафа и его старенький отец Реджаб - эфенди из Коньи, Хасан, который женат на красавице Свете, стамбульский мачо и владелец трех кафе. Но друзей - женщин больше. В Интернет - дневнике Сафарли встречаем запись: « Женщины однозначно лучше мужчин... »[4]. Вторая часть «Сладкой соли Босфора», названная «Люди города души», тоже начинается с дифирамбов женщинам: « Женщины - одна, особая нация. Сильная, выносливая в любых обстоятельствах»[1, с.71].

Будни рассказчика-журналиста имеют свой колорит и экзотику: русские проститутки и стриптизерши (в Турции их зовут наташами): «Женя - проститутка. Не самого низкого класса. Среднего. Достичь столь элитного уровня при нынешней конкуренции в Стамбуле сложно. Ей удалось»[1, с.210]. Вторую свою книгу «Туда без обратно» Сафарли напишет о стамбульской проститутке. В «Сладкой соли Босфора» содержится несколько абсолютно честных и безэмоциональных зарисовок судеб русских проституток и стриптизерш.

Колоритно выглядит трансвестит в зеленом парике, который кормит уличных кошек мясом из остывшего донёра: «Он - трансвестит. Их в Стамбуле тысячи. Зовут Хасан. Называют Эсмеральдой. 24 года.»[1, с.80].

Краткость (до телеграфного стиля) и подчеркнутая точность («зовут» - «называют») сведений из журналистского блокнота сочетаются с обширными проникновенными лирическими отступлениями о других жителях города: чайках, голубях и кошках....

Все города мира делятся на «собачьи» и «кошачьи». Стамбул - город «кошачий». Кошкам не требуется слишком много пространства, а Стамбул так тесно заселен: «Кошки на улицах Стамбула - толстозадые богини с сытыми глазищами. Настоящие аристократки. Один раз прогонишь - второй раз не подойдут. Развалятся на капоте припаркованной машины и будут сверлить глазами, мол, жадина - говядина, мог бы и угостить»[1, с.79].

К составляющим стамбульской атмосферы - прозвучало же определение «атмосферная проза» - относятся магия и суеверия, как без них: «Жить на Востоке без веры и суеверий - значит жить в Париже без флакончика французских духов. Пробегающая черная кошка, женщина с пустым ведром в руках, зеркало, оставленное на подоконнике дома, трижды сказанное «бисмиллях» перед сном. Хоть энциклопедию составляй.»[1, с.173].

В раздел стамбульской магии и суеверий входит и старичок-колдун, торгующий пряностями на Египетском базаре, и привидение в красных туфельках на высоком каблуке: женщина - привидение появляется только в дождливые дни, зовут ее Арзу: «По словам тетюшки Нилюфер, женщина в красных туфлях появляется в Ортакее приблизительно с 1952 года. В дождливую погоду. Предсказывает судьбы и исчезает, оставив пару красных туфелек»[1, с. 29].

Энциклопедия городской магии и суеверий составлена. Хранительницей стамбульской устной легендарной традиции предстает неоднократно упоминаемая автором Нилюфер-ханым, особа с развитым воображением и избытком свободного времени, что не отменяет ее доброго отношения к молодому квартиранту. Именно Нилюфер-ханым (она еще и поварихой у Сулеймана Демиреля служила, балуя турецкого президента несравненной пахлавой), начинает «чувственные страницы» прозы Сафарли, стряпая вкусности.

Все в художественном мире Сафарли имеет свой вкус, запах, цвет, форму и даже тактильные ощущения, как теплая кожа возлюбленной, которую юноша ощущает губами, или деревянный пол из некрашенных досок под босыми ногами. Абстрактные понятия чувственно материализуются, воздействуя на рецепторы: ностальгия может быть шоколадно-коричневой, а грусть глухонемой Гюльбен оранжевого цвета, любовь пахнет амброй или имбирем: «... у любви вкус имбиря, у губ - корицы, улицы пахнут апельсинами, а кожа фиалками»[2].

Город предстает огромной алхимической ретортой, где все превращается во все, почти по философии Аристотеля в результате процессов сублимации и дистилляции. Обнажается сущность сложнейших явлений, слагаемых из простейших частиц.

Соединяются четыре алхимические стихии: воздух - сезонные ветры (пойраз, лодоз, мельтем); вода - Босфорский залив; огонь - солнце и кухонный очаг; земля - улицы, площади, районы, базары Стамбула, названные достоверно точно - Истикляль - джадыси, Ортекей, Лалели, Месир Чарши, Сулукуле.

Аналогом алхимической трансформации в книге Сафарли является кулинария. Процесс приготовления пищи заключен в рамки двойной традиции: с одной стороны, традиция Средиземноморья с триадой хлеба (пшеницы)- вина (виноградная лоза)- оливкового масла (оливок), с другой - традиции исламских ограничений в виде запрета на вино и свинину и десакрализация хлеба. Художественное сознание сохраняет фрагменты алхимического феномена в виде алгоритмов действия: от низкого к высокому, от простого к сложному, от единичного к общему. И чувства создаются по этому алгоритму: «Наши сердца переплетены ванильно - имбирными нитями, покрытыми румяной корочкой. Наши поцелуи отдают освежающим вкусом тмина, делая чувства жаркими. Наши прикосновения нежны, словно

бордовые волокна шафрана. Не допускаем резких движений - все с восточным изяществом»[1,с.134].

Гастрономические сравнения и обилие восторженных восклицаний - вполне в стиле Сафарли, как и легкий турецкий акцент.

Наверное, в его рецептах на кулинарном форуме Гастронома доминирует сахар. Это все влияние Италии. Стамбул на Босфоре - территория пограничная между христианским Средиземноморьем и исламским Востоком. А итальянские авторы утверждают, что «итальянская кухня - настоящее празднество сахара. С сахаром изысканнее становится кушанье и во много раз тоньше напиток. Сахар повсеместно входит в состав блюд. В Тосканской книге рецептов сказано: «Когда готовишь, добавь сахару сверху - и блюдо выйдет вкусным»[5, сс.148- 149].

Кулинария от Сафарли - действо алхимическое, когда приготовление блюда или создание мира имеет свой алгоритм и превращается в творчество с элементами роскоши и великолепия.

По определению Википедии: «Предположительно слово «алхимия» происходит от египетского «chemi» - черный, другие возможные варианты: гр. сок, эссенция, вкус, смешивание.»[4].

И предстает автор «Сладкой соли Босфора» опытным алхимиком, создающим мир как смешение четырёх стихий, где уже в пределах семантики названия – «сладкая соль» - сочетается соль обыденной жизни обычных людей и восхищение разнообразием красок, вкуса и переплетений в картине мира.

Теплая интонация рассказчика, молодого человека, переживающего не простой период своей жизни, соединяет эпизоды «немного сумбурной» [1,с.321] книги и обозначает то качество, которое весьма редко встречается в современной литературе, а именно – гуманизм, в первоначальном своём значении, как любовь к людям и миру. Скорее всего не только экзотика далекого Стамбула, а этот, почти начисто утраченный современной литературой, гуманизм и делает книгу Эльчина Сафарли, по определению обозревательницы книжных новинок из турецкой газеты Zaman Пакизе Батур «такой притягательной»[1,с.321].

Библиография

1. Сафарли Эльчин Сладкая соль Босфора – Москва : АСТ Астрель, 2009.- С.319.
2. Сенина Кассия Проза\ Ру proza/ ru / 2009\01\ 06\
3. Safarli htt : // elchin safarli- on Twitterhtt: //ru.wikipedia org./wiki.
4. Алёшин Николай Чехов даст фору большинству современных писателей. Шесть вопросов к издателю.//Литературная газета, №76, январь,2010.
5. Каппати Альберто Монтаннари Массимо Итальянская кухня. История одной культуры.- Спб.: ООО «Новое литературное обозрение», 2006.- С.477.